
Вениамин Дель Верес
«El Tren de las Ánimas: Маршрут проклятых»
18+

Вениамин Дель Верес

«El Tren de las Ánimas: Маршрут проклятых»

«Автор»
2026

Дель Верес В.

«El Tren de las Ánimas: Маршрут проклятых» / В. Дель Верес — «Автор», 2026

Разрабатывая единый дашборд для контроля своевременности перевозок на новом международном железнодорожном маршруте в Испании, аналитик понимает, что его Excel-таблица отслеживает не просто грузы, а поезда-призраки, застрявшие в пространственной петле, и любая «ошибка в данных» стоит кому-то жизни.

© Дель Верес В., 2026
© Автор, 2026

Вениамин Дель Верес «El Tren de las Ánimas: Маршрут проклятых»

ПРОЛОГ: Манифест 001

Станция «Пуэрто-де-лас-Анимас», Астурия, Испания

14 ноября 1924 года. 23:47

Телеграфный аппарат щелкал, как сухие пальцы мертвеца, перебирающие костяшки счётов.

Дон Эмилио Вальдес — ещё молодой, ещё с чёрными, как смоль, волосами и ещё без той дрожи в левой руке, которая появится у него спустя тридцать лет, — сидел за дубовым столом диспетчерской и заполнял от руки бумажный манифест состава 17. Перо скрипело. Чернила пахли железом и йодом. За окном, за толстым, запотевшим стеклом, клубился туман — густой, молочный, живой. Он полз с гор, облизывал рельсы, глотал стрелочные переводы один за другим, пока не остался только последний путь. Тот, что вёл в тоннель.

Эль-Абисмо.

Эмилио не любил это слово. Оно означало «Бездна», но старые железнодорожники произносили его с маленькой буквы и всегда — шёпотом, словно боялись разбудить того, кто спит внутри горы.

Он посмотрел на часы. Стрелки сходились к полуночи. По графику состав должен был войти в тоннель ровно в 23:55. Семь минут. Три километра пути. Четыре минуты внутри каменной глотки. И — если всё пойдёт по расписанию — выход на станции Рибера-де-Арриба в 00:06.

Эмилио сверился с накладной. Груз: уголь, лес, почтовые мешки. Пассажиры: четырнадцать человек. Машинист — Хосе «Слепой» Мендес, ветераран, знающий этот тоннель на ощупь.

Всё сходилось. Всё было идеально.

И именно это его и насторожило.

Эмилио отложил перо. Провёл пальцем по цифрам в графе «Время отправления». Потом по графе «Время прибытия». Потом — по графе «Вес груза на выходе».

Он нахмурился.

Цифры сходились. Слишком идеально. Ни грамма угля не потеряно. Ни минуты задержки. Ни одного колебания. В его практике — а он работал на этой станции двенадцать лет — такого не бывало никогда. Тоннель всегда забирал своё. То мешок почты намокнет и потяжелеет. То пассажир, въехавший молодым, выйдет с прядью седины на виске. То часы машиниста отстанут на семь минут, хотя внутри тоннеля время будто сжимается, как гармошка.

Гора брала плату. Так учили старики. Так гласила негласная традиция, не вписанная ни в один регламент: оставь в тоннеле что-нибудь. Монету. Щепоть табака. Слово, сказанное вслух в темноту. Иначе гора возьмёт сама. И возьмёт больше, чем должна.

Эмилио потянулся к ящику стола. Достал потрёпанную тетрадь в кожаном переплёте — журнал аномалий, который вёл его предшественник, дон Артуро, исчезнувший при невыясненных обстоятельствах в 1911 году. Полистал. Нашёл нужную страницу.

И замер.

В журнале, аккуратным почерком Артуро, была выведена формула. Не логистическая. Не железнодорожная. Какая-то иная — с символами, которых Эмилио не знал, с дробями, уходящими в бесконечность, с пометками на полях, сделанными дрожащей рукой:

«Если всё сходится — значит, Оно уже считает за тебя. Если всё сходится — значит, ты уже внутри. Если всё сходится — ОСТАНОВИ ПОЕЗД.»

Эмилио почувствовал, как холод поднимается от пола по ногам, словно по рельсам.

Он схватил перо. Быстро, с нажимом, до брызг чернил, вписал в графу «Вес груза на выходе» ошибку: +14 килограммов. Четырнадцать — по числу пассажиров. Намеренная, грубая, нелепая ошибка. Кривая. Некрасивая. Человеческая.

«Дай им кривое, — шептал дон Артуро на полях. — Дай им кривое, и они пройдут».

Эмилио обмакнул перо. Поднёс его к графе «Время прибытия», чтобы приписать ещё три минуты задержки, ещё одну нестыковку, ещё одну ложь во спасение —

Телеграф замолчал.

Не постепенно. Не с затухающим щелчком. А резко — так, словно кто-то на том конце провода перерезал жилу зубами.

В тишине Эмилио услышал другое.

Гул.

Низкий, утробный, идущий не снаружи, а из-под пола. Из-под стен. Из-под самого стола, за которым он сидел. Гул нарастал, превращаясь в ритмичный стук — тук-тук, тук-тук — будто гигантское сердце билось в недрах горы. Или будто состав, которого ещё не должно было быть здесь, уже входил в тоннель.

Но по графику — семь минут.

Эмилио посмотрел на часы.

Стрелки стояли. 23:47. Навсегда.

Он посмотрел на манифест.

Цифры, которые он только что написал, — +14 килограммов — медленно, на его глазах, начали расползаться, как живые. Чернила вставали дыбом, превращаясь в тонкие чёрные усики, и возвращались в прежнее значение. Ноль. Ноль. Ноль.

Ошибка была исправлена.

Не им.

Эмилио медленно поднял глаза. В запотевшем стекле окна, за которым клубился непроглядный туман, появилось отражение. Не его.

Человек в форме диспетчера — такой же, как у него, — стоял за его спиной. Лица не было. Только тень, густая, как чернила в чернильнице. И в руках у этой тени был такой же манифест. Только весь — от корки до корки — заполненный идеальными, безупречными, сходящимися до последней запятой цифрами.

Тень наклонилась к его уху. И прошептала голосом, в котором звучал скрежет колёс по ржавым рельсам, свист паровоза в ущелье и крики четырнадцати пассажиров, которых ещё не существовало:

— Todo está en orden, Don Emilio. Todo está en orden.

— Всё по порядку, дон Эмилио. Всё по порядку.

Телеграф ожил. И начал отстукивать одну-единственную букву. Снова. И снова. И снова.

Т. Т. Т. Т. Т. Т.

Эмилио Вальдес посмотрел на свои руки. Чернила на пальцах больше не были чернилами. Они были чёрные. И они двигались.

За окном, в тумане, взревел паровозный гудок.

Состав 17 вошёл в тоннель.

Ровно по графику.

Дон Эмилио Вальдес числится пропавшим без вести с 15 ноября 1924 года. Его манифест был найден на столе — идеально заполненным, без единой помарки. Журнал аномалий дона Артуро исчез. Тоннель «Эль-Абисмо» был законсервирован в 1927 году и вновь введён в

эксплуатацию в 2024-м — после модернизации и внедрения единой цифровой системы отчётности.

Первым аналитиком, которому было поручено свести старые бумажные данные с новой электронной формой, стал Марк Рейес.

Его дашборд сошёлся с первого раза.

ГЛАВА 1. Формула идеального дня

Суббота, 8 ноября 2026 года. 06:27

Будильник не звонил. Будильник был не нужен.

Марк открыл глаза ровно за три секунды до того, как должен был прозвучать сигнал. Он всегда просыпался сам — его внутренние часы были настроены точнее, чем любой атомный стандарт. Это было одно из тех качеств, за которые его ценили на работе, и одно из тех, за которые его тихо ненавидели соседи по коммуналке в студенческие годы.

За окном было темно. Ноябрь в этом году выдался ранний и злой — уже в семь утра город тонул в серой, мокрой темноте, словно кто-то накинул на него грязное одеяло. По стеклу бил дождь — не капли, а частая, монотонная дробь, похожая на звук работающего принтера.

Марк сел на кровати. Потянулся к тумбочке. Пальцы нащупали знакомую форму наушников.

Щелчок.

Тишина ушла. На её место пришёл голос — мужской, бархатный, с лёгкой андалузской хрипотцой. Диктор из аудиокурса «Español de Negocios: Nivel Intermedio». Марк купил его три месяца назад, после того как руководство намекнуло, что «было бы неплохо» начать общаться с новыми партнёрами на их родном языке.

— Buenos días. Hoy vamos a repasar el vocabulario de logística y transporte.

(Доброе утро. Сегодня мы повторим логистическую и транспортную лексику.)

Марк кивнул, хотя диктор его не видел. Он встал, пошёл на кухню, поставил чайник. Пока вода закипала, он чистил зубы, слушал спряжения. Пока заваривался чай — повторял фразы вслух, тихо, чтобы не будить спящую в соседней комнате сестру.

— El tren sale a tiempo. El tren llega con retraso.

(Поезд отправляется вовремя. Поезд приходит с задержкой.)

Он произнёс фразу ещё раз. Аккуратно. С правильной интонацией. Язык был шершавым, как гравий под шпалами, но Марку нравилось это ощущение — когда рот заполняется чужими звуками и они постепенно становятся своими.

В 06:55 он вышел из дома.

Метро в субботу утром было почти пустым. Марк сел у окна — всегда у окна, всегда в одном и том же вагоне, всегда в третьей двери от начала платформы. Это не было суеверием. Это была оптимизация: от этой точки до выхода на станции «Логистическая» он шёл ровно 214 шагов. Ни больше, ни меньше.

Поезд тронулся.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Ритмичный стук колёс на стыках рельсов. Марк закрыл глаза. Он любил этот звук. В нём было что-то успокаивающее — предсказуемое, математически выверенное. Каждый стык — равный интервал. Каждый интервал — равное время. Если поезд идёт со скоростью 60 км/ч, а длина рельса — 25 метров, то удары должны следовать каждые 1,5 секунды.

Он считал про себя.

Раз… два… три… Раз… два… три…

Всё сходилось.

В наушниках диктор переходил к новой теме.

— La puntualidad es clave en el transporte ferroviario. Un retraso de cinco minutos puede causar un efecto dominó en toda la red.

(Своевременность — ключевой фактор в железнодорожных перевозках. Задержка в пять минут может вызвать эффект домино во всей сети.)

Марк усмехнулся. Диктор не знал, насколько он прав.

Поезд нырнул в тоннель. Свет в вагоне мигнул — на долю секунды, почти незаметно. Марк не обратил внимания. Он листал в телефоне таблицу: выписанные от руки испанские термины, которые он собирал за последние недели.

Estación de clasificación — сортировочная станция.

Manifiesto de carga — грузовая накладная.

Retraso justificado — оправданная задержка.

Incidencia — инцидент, сбой.

Он остановился на последнем слове. Incidencia. Произнёс его вслух, беззвучно, одними губами.

Ин-си-дэн-си-а.

Странное слово. В нём было что-то… неправильное. Не в смысле — неверное. А в смысле — слишком правильное. Слишком гладкое. Слишком круглое. Как монета, сточенная тысячами пальцев.

Марк нахмурился. Записал в заметки: «Проверить произношение. Возможно, региональный вариант».

Поезд вышел из тоннеля. Свет в вагоне снова мигнул.

На этот раз Марк заметил.

Он посмотрел на лампу над дверью. Она горела ровно. Посмотрел на часы в салоне — 07:23. Всё было нормально. Просто старая проводка. Просто метро. Просто ноябрь.

Он вернулся к аудиокурсу.

— Repitan después de mí: La mercancía llega a destino.

(Повторяйте за мной: Груз прибывает в пункт назначения.)

Марк повторил.

La mercancía llega a destino.

Поезд остановился. Двери открылись. Марк встал, забрал рюкзак, вышел на платформу.

214 шагов до выхода.

Он не ошибся ни на один.

Офис компании «ТрансЛогик Групп» занимал двенадцатый этаж стеклянной башни на набережной. Марк пришёл в 07:41 — за девятнадцать минут до начала рабочего дня. Ему нравилось это время: офис был пуст, кондиционеры ещё спали, а утренний свет, пробивавшийся сквозь тучи, ложился на столы мягкими, почти масляными пятнами.

Он прошёл к своему месту — третий ряд, четвёртый стол от окна. Сел. Разблокировал компьютер.

Щелчок.

Экран ожил. На рабочем столе — папки, иконки, ярлыки. Всё на своих местах. Всё подписано. Всё отсортировано по дате, по типу, по проекту. Марк открыл Outlook. Проверил почту. Восемь новых писем — все прочитаны, все разложены по папкам. Он открыл Excel.

Щелчок.

Перед ним был дашборд.

Марк любил этот дашборд больше, чем большинство людей любят свои семьи. Он собирал его шесть месяцев — по крупицам, по ячейке, по формуле. Это был не просто отчёт. Это было произведение искусства.

Слева — сводная таблица по всем грузовым перевозкам за квартал. Справа — диаграмма Ганта, показывающая движение составов в реальном времени. Внизу — тепловая карта своевременности: зелёные ячейки, жёлтые, красные. В центре — большая цифра: KPI своевременности — 94,7%.

Марк посмотрел на неё и почувствовал то самое — тёплое, спокойное, почти физическое удовлетворение. Как когда застёгиваешь последнюю пуговицу на рубашке. Как когда ставишь последнюю точку в уравнении.

Всё сходилось.

Он потянулся к мышке. Навёл курсор на ячейку с просроченной поставкой — состав 812, задержка 4 часа, маршрут Москва — Казань. Щёлкнул. Открыл детали. Причина: техническая неисправность локомотива на перегоне. Статус: Incidencia.

Марк нахмурился.

Он ввёл новую формулу — автоматический пересчёт KPI с учётом этой задержки. Нажал Enter.

Цифра в центре дашборда мигнула.

94,7% 94,6%.

Марк кивнул. Всё верно. Он сохранил файл. Закрыл Excel. Открыл Word — начал писать отчёт для утреннего совещания.

В 08:00 в офис начали подтягиваться коллеги. Первой пришла Лена из бухгалтерии — с стаканчиком кофе и вечно недовольным видом. Потом — Дима из отдела перевозок, громкий, с папкой под мышкой. Потом — остальные.

Офис ожил. Загудел кондиционер. Застрекотали клавиатуры. Запела кофемашина в зоне отдыха.

Марк не любил шум. Он надел наушники — не для музыки, а для тишины — и продолжил работать.

В 09:15 началось совещание.

Переговорка была маленькой, душной, с панорамным окном, через которое было видно серую реку и серые краны порта. За столом сидели шестеро: начальник отдела логистики Сергей Викторович, два его зама, Марк, Лена из финансов и какой-то мужик из юридического, которого Марк видел впервые.

Сергей Викторович включил презентацию. На экране появился логотип: стилизованный поезд, вписанный в букву «Т».

— Коллеги, — сказал он. — У нас хорошие новости. Группа предприятий завершила сделку по приобретению контрольного пакета акций испанской железнодорожной сети «Ferrocarriles de la Cordillera». Это узкоколейные дороги в Астурии, на севере Испании. Горные маршруты, старые тоннели, живописные виды. В общем, всё, что нужно для привлечения европейских клиентов.

Марк поднял бровь. Испания.

— Задача, — продолжил Сергей Викторович, — интегрировать их в нашу общую сеть. Полная цифровизация. Переход на наши стандарты отчётности. И вот тут, — он посмотрел на Марка, — нам нужен ты.

Марк выпрямился.

— Мне?

— Тебе. Твоя задача — разработать единую форму отчётности для нового актива. Чтобы все данные — испанские, наши, транзитные — стекались в один дашборд. Чтобы я мог одним взглядом видеть: где что, когда, почему. Понял?

— Понял, — кивнул Марк. — А сроки?

— Месяц. Максимум. К началу декабря всё должно работать.

Марк кивнул. Месяц. Это много. Это даже слишком много. Он мог управиться за две недели.

— Есть ещё один момент, — добавил Сергей Викторович. — Партнёры из Испании настаивают на прямом взаимодействии. Будешь общаться с их директором филиала. По-испански.

В комнате повисла тишина. Все посмотрели на Марка.

Он почувствовал, как к лицу приливает лёгкая, приятная волна. Не страха. Нет. Скорее — удовлетворения. Как когда решаешь сложную задачу на грани возможностей.

— Хорошо, — сказал он. — Я справлюсь.

— Вот и отлично. — Сергей Викторович хлопнул его по плечу. — Данные тебе пришлют сегодня. Начинай.

Данные пришли в 10:47.

Марк открыл папку. Внутри — десятки файлов: старые бумажные манифесты, оцифрованные в PDF, таблицы Excel, сканы контрактов, аудио-записи переговоров с диспетчерами. Всё на испанском. Всё — в беспорядке.

Он усмехнулся.

Беспорядок.

Это слово было для него почти ругательством. Беспорядок — это когда данные не отсортированы. Когда ячейки не выровнены. Когда формулы не ссылаются друг на друга. Беспорядок — это хаос. А хаос — это враг.

Марк открыл первый файл. PDF. Манифест состава 402 от 14 октября 2026 года. Он начал читать.

И через десять минут он понял, что что-то не так.

Не в данных. Не в цифрах. Цифры сходились. Всё было идеально.

А в чём-то другом.

В ощущении.

Он посмотрел на ячейку с датой отправления. 14.10.2026, 08:15. Посмотрел на ячейку с датой прибытия. 14.10.2026, 05:30.

Марк нахмурился.

Поезд прибыл на три часа раньше, чем отправился?

Он проверил формулу. Проверил часовой пояс. Проверил всё, что мог проверить.

Ошибка.

Обычная, банальная, человеческая ошибка. Кто-то из испанских диспетчеров перепутал ячейки при вводе данных.

Марк вздохнул. Он уже предвкушал, как будет переписываться с этим диспетчером — вежливо, но твёрдо, на своём новом деловом испанском.

Он открыл новый файл. Манифест состава 403.

Дата отправления: 15.10.2026, 09:00.

Дата прибытия: 15.10.2026, 06:45.

Снова прибытие раньше отправления. На два с половиной часа.

Марк почувствовал, как по спине пробежал лёгкий, холодный, почти приятный озноб.

Он открыл третий файл. Четвёртый. Пятый.

В каждом — одна и та же аномалия. Поезда прибывали раньше, чем отправлялись. На разное время. На разные часы. Но всегда — раньше.

Это не могло быть ошибкой. Не в пяти файлах подряд. Не с такой математической точностью.

Марк откинулся на спинку кресла. Посмотрел в окно. За стеклом, сквозь дождь, плыли серые краны порта. Где-то там, далеко, за морем, за горами, была Астурия. Туманы. Старые тоннели. Узкоколейки, которые помнят ещё паровозы.

Он снова посмотрел на дашборд.

KPI своевременности — 94,6%.

Всё сходилось.

Всё было идеально.

И именно это его и насторожило.

Марк надел наушники. Включил аудиокурс.

— Repitan después de mí: El tren llega antes de salir.

(Повторяйте за мной: Поезд прибывает до того, как отправляется.)

Марк не повторял.

Он смотрел на экран. И думал.

А потом — тихо, почти шёпотом — произнёс:

— Incidencia.

Инцидент.

За окном, сквозь шум дождя и гул офиса, ему показалось — или это было на самом деле? — что он услышал другой звук.

Низкий, утробный, ритмичный.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Звук колёс по рельсам.

Но рельсов здесь не было.

Марк снял наушники.

Тишина.

Только дождь. Только гул кондиционера. Только стук клавиатур.

Он пожал плечами. Усталость. Просто усталость.

Он снова надел наушники. Вернулся к файлам. Начал писать первый запрос испанским диспетчерам — вежливый, формальный, на идеальном деловом испанском.

Estimados colegas,

He notado algunas discrepancias en los manifiestos de los trenes 402 y 403. ¿Podrían verificar los datos?

(Уважаемые коллеги, я заметил некоторые расхождения в манифестах поездов 402 и 403. Не могли бы вы проверить данные?)

Он нажал Отправить.

Письмо ушло.

Марк посмотрел на часы. 11:23. До обеда — ещё час и тридцать семь минут.

Всё шло по плану.

Всё было под контролем.

Всё сходилось.

В 14:32 ему пришёл ответ.

Короткий. В три строки. Без подписи.

«Datos correctos. No hay error. El tren llega a tiempo.»

(Данные верны. Ошибки нет. Поезд прибывает вовремя.)

Марк прочитал письмо. Прочитал ещё раз.

Потом — открыл дашборд.

Посмотрел на ячейку с составом 402.

Ячейка была зелёной.

Своевременно.

Он посмотрел на состав 403.

Тоже зелёная.

Своевременно.

Марк медленно, очень медленно, выдохнул.

За окном дождь усилился. В наушниках, которые он забыл выключить, диктор произносил новую фразу.

— La puntualidad es clave. La puntualidad es clave. La puntualidad es clave.

(Своевременность — это ключ. Своевременность — это ключ. Своевременность — это ключ.)

Марк снял наушники.

Положил их на стол.

Посмотрел на экран.

И впервые за весь день почувствовал, что что-то — крошечное, невидимое, почти неуловимое — начало меняться.

Не в данных.

Не в цифрах.

А в нём самом.

ГЛАВА 2. Первый контакт

Суббота, 8 ноября 2026 года. 14:48

Обед Марк пропустил.

Не потому, что забыл. А потому, что ответ испанцев — «Datos correctos. No hay error.» — не укладывался в его картине мира. Данные не могли быть верными. Поезд физически не мог прибыть раньше, чем отправился. Это нарушало не просто логику — это нарушало причинно-следственную связь.

Он открыл новый лист в Excel. Создал таблицу. Внёс все пять аномальных манифестов. Колонки: номер состава, дата отправления, дата прибытия, разница во времени, вес груза на входе, вес груза на выходе.

Заполнил. Посмотрел.

Разница во времени: от двух часов сорока пяти минут до трёх часов двадцати минут. Ни одного совпадения. Ни одной закономерности.

Марк нахмурился.

Он построил диаграмму рассеяния. Точки разлетелись по графику, как дробинки по мишени после выстрела вразнос. Никакой корреляции. Никакого тренда.

Он добавил шестую колонку — «Маршрут». Вбил станции отправления и прибытия.

И замер.

Все пять составов прошли через одну и ту же промежуточную точку.

Puerto de las Ánimas.

Марк открыл переводчик. Вбил название.

«Порт Душ».

Он нахмурился ещё сильнее. Какой «порт»? Это же горная узкоколейка, в сотнях километров от моря. Он открыл карту Испании. Нашёл Астурию. Приблизил.

И увидел.

Маленькая станция, затерянная в складках Кантабрийских гор. Однопутка. Тупик. И — тоннель. Длинный, чёрный, перечёркивающий гору, как шрам.

Марк посмотрел на длину тоннеля.

Три километра двести метров.

Он посмотрел на время прохождения. По данным испанцев — четыре минуты.

Марк посчитал в уме. Средняя скорость состава на этом участке — около пятидесяти километров в час. Три километра — это три минуты тридцать шесть секунд. Плюс разгон. Плюс торможение. Четыре минуты — это нормально. Это даже идеально.

Слишком идеально.

Он закрыл карту. Вернулся к таблице. Посмотрел на вес груза.

И тут — впервые за весь день — почувствовал, как что-то холодное и липкое поднимается у него внутри, словно по рельсам.

Вес груза на выходе — всегда был меньше.

Незначительно. На два-три-пять килограммов. В пределах погрешности взвешивания. Но — всегда.

Марк открыл седьмую колонку. Вбил разницу.

Состав 402: 2,4 кг.

Состав 403: 3,1 кг.

Состав 404: 1,8 кг.

Состав 405: 4,7 кг.

Состав 406: 2,9 кг.

Он посмотрел на цифры.

Это была не погрешность. Это была система.

В 14:55 на его почту пришло приглашение.

Звонок с директором филиала «Ferrocarriles de la Cordillera».

Участники: Марк Рейес, сеньор Э. Вальдес.

Время: 15:00.

Формат: аудиоконференция.

Марк прочитал письмо дважды.

Только аудио.

Он подумал, что это странно. Обычно первые установочные встречи проводят по видеосвязи — чтобы посмотреть друг другу в глаза, оценить невербалику, установить контакт. Но, с другой стороны, в горах связь часто бывает паршивой. Видео может тормозить, зависать, рассыпаться на пиксели. Аудио — надёжнее.

Марк кивнул сам себе. Логично.

Он открыл папку с испанскими учебными материалами. Пролистал до раздела «Деловая переписка и переговоры». Выписал на стикер несколько фраз:

— Buenos tardes, señor Valdés. Es un placer saludarle.

(Добрый день, сеньор Вальдес. Рад вас приветствовать.)

— He revisado los manifiestos y tengo algunas preguntas sobre las discrepancias.

(Я изучил манифесты и у меня есть несколько вопросов по расхождениям.)

— ¿Podría aclararme la situación con la estación Puerto de las Ánimas?

(Не могли бы вы прояснить ситуацию со станцией Puerto de las Ánimas?)

Он приклеил стикер на край монитора. Прочитал фразы вслух. Трижды. С правильной интонацией. С правильной паузой между словами.

В 14:59 он надел наушники. Проверил микрофон. Открыл блокнот — на случай, если придётся записывать.

В 15:00 ровно раздался короткий сигнал.

Щелчок.

— Buenas tardes, señor Valdés. Es un placer saludarle. — сказал Марк. Чётко. Уверенно. Без запинки.

Тишина.

Две секунды. Три. Четыре.

Марк уже собрался было повторить —

— Buenas tardes, señor Reyes. — ответил голос.

Голос был старый. Очень старый. С той особенной хрипотцой, которая появляется у людей, проживших слишком много лет в горах, где воздух холодный и сырой. Но — ровный. Спокойный. С лёгким, почти аристократическим акцентом — не андалузским, не кастильским, а каким-то иным, северным, горным.

— El placer es mío. — продолжил голос. (В pleasure — мой. Радость на моей стороне.) — Bienvenido al equipo.

(Добро пожаловать в команду.)

— Gracias, señor. — Марк кивнул, хотя Вальдес его не видел. — He comenzado a revisar los datos de los manifiestos y…

Он запнулся.

На фоне голоса — совсем тихо, почти на грани слышимости — был звук.

Не шум. Не помехи. Не эхо.

Гул.

Низкий, ровный, почти инфразвуковой. Как будто где-то очень далеко, за толстыми каменными стенами, работала огромная, древняя машина. Или дышала гора.

Марк покосился на индикатор связи. Всё нормально. Сигнал стабильный.

— …y he notado algunas discrepancias. — продолжил он, стараясь не обращать внимания на гул. — En los manifiestos de los trenes 402 a 406. Las fechas de llegada son anteriores a las fechas de salida.

Тишина.

Две секунды. Три.

— Sí, señor Reyes. — спокойно ответил Вальдес. — Los datos son correctos.

(Да, сеньор Рейес. Данные верны.)

Марк нахмурился.

— Pero… físicamente es imposible. Un tren no puede llegar antes de salir.

(Но… физически это невозможно. Поезд не может прибыть раньше, чем отправиться.)

Снова тишина.

Гул на фоне стал чуть громче. Или это Марку показалось?

— Físicamente, sí. — медленно произнёс Вальдес. (Физически — да.) — Pero en la Cordillera, las reglas son… diferentes.

(Но в Кордильере правила… иные.)

Марк моргнул.

— ¿Diferentes?

— Las montañas tienen sus propias leyes, señor Reyes. — Голос Вальдеса стал тише, почти до шёпота. — El tiempo allí no fluye como en el llano. A veces se detiene. A veces… retrocede.

(У гор свои законы, сеньор Рейес. Время там течёт не так, как на равнине. Иногда оно останавливается. Иногда… идёт назад.)

Марк почувствовал, как по спине пробежала лёгкая, неприятная дрожь.

Это была не шутка. Вальдес не шутил. Он говорил это так, словно констатировал факт. Как констатируют факт о том, что зимой выпадает снег, а летом — дождь.

— Señor Valdés… — Марк откашлялся. — ¿Se refiere a diferencias horarias? A un error en el sistema de registro?

(Сеньор Вальдес… Вы имеете в виду разницу во времени? Ошибку в системе регистрации?)

— Me refiero a que los datos son correctos. — Голос Вальдеса снова стал ровным. Деловым. — No los cambie. No los corrija. Simplemente… integre.

(Я имею в виду, что данные верны. Не меняйте их. Не исправляйте. Просто… интегрируйте.)

— Pero el KPI…

— El KPI será perfecto. — Вальдес произнёс это с странной, почти торжественной интонацией. — Siempre lo es.

(KPI будет идеальным. Он всегда такой.)

Марк открыл рот, чтобы возразить —

И тут он услышал это.

Сквозь гул. Сквозь ровное дыхание Вальдеса. Сквозь статические помехи.

Шёпот.

Не один. Десятки. Сотни. Тихие, сливающиеся друг с другом голоса, говорящие одновременно, но не складывающиеся в слова. Как будто где-то, очень далеко, в тёмном помещении, стояла толпа людей и что-то бормотала — не то молитву, не то жалобу, не то счёт.

Марк замер.

— Señor Valdés… — голос у него предательски дрогнул. — ¿Hay alguien más en la línea?

(Сеньор Вальдес… На линии есть кто-то ещё?)

Тишина.

Гул оборвался. Резко. Так, словно кто-то нажал кнопку.

— No, señor Reyes. — спокойно ответил Вальдес. — Estamos solos.

(Нет, сеньор Рейес. Мы одни.)

Марк посмотрел на индикатор связи. Только два участника. Он и Вальдес. Никого больше.

— Disculpe. — Марк сглотнул. — Me pareció…

— No hay nada que disculpar. — Голос Вальдеса снова стал тёплым. Почти отеческим. — Las montañas juegan con los sonidos, señor Reyes. A veces parece que hay ecos donde no los hay. A veces… parece que hay voces donde no las hay.

(Горы играют со звуками, сеньор Рейес. Иногда кажется, что есть эхо там, где его нет. Иногда… кажется, что есть голоса там, где их нет.)

Марк кивнул. Медленно. Хотя Вальдес его не видел.

— Entiendo.

— Bien. — Пауза. — Tiene un mes, señor Reyes. Un mes para integrar todo. Para crear el tablero unificado. Para que yo pueda ver… todo.

(Хорошо. У вас месяц, сеньор Рейес. Месяц, чтобы интегрировать всё. Чтобы создать единый дашборд. Чтобы я мог видеть… всё.)

— Lo haré.

— Lo sé. — Голос Вальдеса стал тише. Совсем тихим. — Usted es muy bueno en su trabajo, señor Reyes. Muy… preciso.

(Я знаю. Вы очень хороши в своей работе, сеньор Рейес. Очень… точны.)

Марк не знал, что ответить. Это звучало не как комплимент. Это звучало как… оценка. Как будто Вальдес взвешивал его на весах. И остался доволен.

— Hasta pronto, señor Valdés.

— Hasta pronto, señor Reyes.

Щелчок.

Связь оборвалась.

Марк сидел неподвижно.

Слушал тишину.

В наушниках — ни звука. Только его собственное дыхание. Только гул системного блока. Только далёкий, приглушённый шум офиса за стеклянной стеной.

Он медленно снял наушники. Положил их на стол.

Посмотрел на стикер с испанскими фразами.

«Las montañas tienen sus propias leyes.»

У гор свои законы.

Марк усмехнулся. Криво. Нервно.

Старик чудит. Горный воздух, видно, влияет на голову. Или связь плохая. Или просто — специфическое чувство юмора. Испанцы вообще любят пафос. Фламенго, коррида, горы с собственными законами — всё в духе.

Он потянулся к мышке. Открыл дашборд.

Посмотрел на KPI.

94,6%.

Марк нахмурился.

Цифра не изменилась. Но что-то в ней было теперь… другое. Не то чтобы она выглядела иначе. Но ощущение — изменилось.

Раньше эта цифра была как хорошо застёгнутая рубашка. Успокаивающая. Правильная.

Теперь она была как слишком туго затянутый галстук.

Марк убрал руку от мыши.

Открыл папку с аудио-файлами. Теми самыми, что пришли вместе с манифестами. Записи переговоров диспетчеров с машинистами.

Он выбрал первый файл. Состав 402. Переговоры при прохождении Puerto de las Ánimas.

Нажал Play.

Щелчок.

Шум. Треск. Помехи. Скрежет — будто колёса едут по ржавым рельсам. И — голоса. Два. Машинист и диспетчер. Говорят быстро, на горном диалекте, с проглатыванием окончаний.

Марк прислушался.

— …puerto de las ánimas… todo en orden… adelante…

(…порт душ… всё в порядке… вперёд…)

Обычный разговор. Штатная ситуация.

Марк уже собрался был выключить —

И тут он услышал это.

Сквозь треск. Сквозь скрежет. Сквозь голоса.

Стук.

Ритмичный. Ровный. Как метроном.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк нахмурился. Он прибавил громкость.

Стук стал чётче.

И — он был не в такт колёсам.

Колёса стучали в одном ритме. А этот — второй стук — шёл отдельно. Как будто кто-то — или что-то — стучало изнутри тоннеля. Изнутри стен. Изнутри самой горы.

Марк остановил запись.

Тишина.

Он перемотал на десять секунд вперёд. Нажал Play.

Снова шум. Скрежет. Голоса.

— …tres kilómetros… cuatro minutos… todo en orden…

(…три километра… четыре минуты… всё в порядке…)

И снова — сквозь помехи — тот же стук.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк остановил запись. Снова.

Он открыл второй файл. Состав 403.

Нажал Play.

Шум. Скрежет. Голоса.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Третий файл.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Четвёртый. Пятый. Шестой.

Одинаковый ритм. Одинаковая громкость. Одинаковая длительность.

Марк откинулся на спинку кресла.

Это не могло быть совпадением. Это не могло быть помехами. Это не могло быть записью, сделанной в один день, в одном месте.

Файлы были датированы разными числами. Поезда шли в разное время суток. Машинисты были разные — он проверил по голосам.

Но стук — был один и тот же.

Как будто кто-то — или что-то — стояло внутри тоннеля. И стучало. В одну и ту же точку. С одинаковой силой. С одинаковой частотой.

Раз за разом. За каждым поездом.

Марк посмотрел на часы.

16:14.

За окном темнело. Ноябрьский день был коротким — уже в четыре часа свет начал уходить, оставляя после себя серые, свинцовые тени.

Он посмотрел на дашборд.

KPI — 94,6%.

Марк медленно выдохнул.

Он был аналитиком. Он верил в цифры. В формулы. В причинно-следственные связи. Он не верил в призраков. Не верил в горные законы. Не верил в шёпоты на фоне аудиозаписей.

Он верил в данные.

А данные говорили одно: что-то не так.

Что-то — очень не так.

Марк открыл новый лист в Excel. Создал таблицу. Вбил в первую колонку — номера составов. Во вторую — даты. В третью — аномалии со временем. В четвёртую — разницу в весе. В пятую — наличие «стука» в аудио-записях.

Заполнил.

Посмотрел.

И — впервые за весь день — почувствовал, как что-то холодное и тяжёлое опустилось ему на плечи. Как невидимая, но очень реальная ноша.

Все пять составов прошли через Puerto de las Ánimas в течение одной недели.

Все пять — с аномалией во времени.

Все пять — с потерей веса.

Все пять — со стуком.

Это была не случайность.

Это была система.

Марк закрыл глаза.

В темноте за веками он увидел тоннель. Длинный, чёрный, уходящий в бесконечность. И — где-то в его глубине — стук.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Он открыл глаза.

Посмотрел на экран.

Надпись в заголовке таблицы, которую он только что создал, мигнула.

Один раз.

Едва заметно.

Но — мигнула.

Марк провёл рукой по лицу. Усталость. Просто усталость. Просто — слишком много данных за один день. Просто — слишком много испанского. Просто — слишком много всего.

Он сохранил файл. Закрыл Excel. Встал. Потянулся.

Пора домой.

Марк собрал вещи. Выключил монитор. Надел наушники — не для испанского, а для тишины — и пошёл к выходу.

Офис был почти пуст. Только в дальнем углу, за стеклянной перегородкой, горел свет — у кого-то из руководства. Остальные — давно разошлись. Суббота всё-таки.

Марк прошёл через холл. Сел в лифт. Нажал кнопку первого этажа.

Двери закрылись.

Лифт поехал вниз.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк замер.

Это был не лифт. Лифт шёл плавно, беззвучно.

Это был тот самый стук.

Он посмотрел вверх. На потолок лифта. На стены. На пол.

Ничего.

Стук оборвался. Так же резко, как и начался.

Двери лифта открылись. Первый этаж. Марк вышел. Прошёл через турникеты. Толкнул стеклянную дверь на улицу.

Ноябрьский вечер ударил в лицо холодом и сыростью. Дождь моросил — мелкий, противный, пробирающий до костей.

Марк натянул капюшон. Пошёл к метро.

214 шагов.

Он считал. Как всегда. Как делал каждый день.

Раз… два… три… Раз… два… три…

Всё сходилось.

Но на сто сорок втором шаге — он остановился.

Посмотрел через дорогу.

На другой стороне, у входа в подземный переход, стоял человек.

Высокий. Худой. В длинном, старомодном пальто. В шляпе, надвинутой на глаза.

Стоял неподвижно. Смотрел — прямо на Марка.

Марк почувствовал, как холод — не ноябрьский, а какой-то другой, внутренний — разлился по груди.

Он посмотрел внимательнее.

Человек не двигался. Не дышал. Не моргал.

Просто — стоял.

И — Марк был почти уверен — улыбался.

Марк моргнул.

Человека не было.

Пустая улица. Дождь. Фонари, отражающиеся в мокром асфальте.

Марк медленно выдохнул.

Усталость. Просто усталость. Просто — слишком много данных за один день. Просто — слишком много испанского. Просто — слишком много всего.

Он пошёл дальше. Досчитал до 214. Спустился в метро.

Поезд пришёл через две минуты. Марк сел у окна. Как всегда. В третьем вагоне. В третьей двери от начала платформы.

Поезд тронулся.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк закрыл глаза.

В наушниках — тишина. Он их даже не включал.

Но стук — был.

Ровный. Ритмичный. Неизменный.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк открыл глаза. Посмотрел в окно.

В темноте тоннеля, за стеклом, мелькали огни. Один. Второй. Третий.

И — на мгновение, на долю секунды — ему показалось, что в одном из них, в самом дальнем, в самом тусклом, он увидел лицо.

Старое. Худое. С глубоко посаженными глазами.

Сеньор Вальдес.

Марк моргнул.

Огонь исчез.

Осталась только темнота. Только тоннель. Только стук.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк медленно, очень медленно, выдохнул.

Он посмотрел на своё отражение в окне.

Бледное лицо. Тёмные круги под глазами. Губы, сжатые в тонкую линию.

И — за его спиной, в отражении, на заднем плане — силуэт.

Высокий. Худой. В шляпе.

Марк резко обернулся.

Пустой вагон. Только он один.

Он посмотрел обратно в окно.

Отражение — только его. Никого больше.

Марк закрыл глаза.

Усталость. Просто усталость.

Поезд вышел из тоннеля. Свет. Станция. Марк встал. Вышел.

214 шагов до дома.

Он шёл и считал. Как всегда.

Но на этот раз — считал не шаги.

А что-то другое.

Что-то, что он ещё не мог назвать.

Что-то, что начиналось.

Дома Марк не стал включать свет.

Сел на кровать. В темноте.

Посмотрел в окно. Дождь. Фонари. Серые тени.

Он достал телефон. Открыл заметки.

Написал одну строку.

«Incidencia.»

Посмотрел на неё.

Потом — добавил вторую.

«¿Qué hay en el túnel?»

(Что в тоннеле?)

Он посмотрел на экран.

Буквы светились в темноте. Белые. Чёткие. Правильные.

Марк выключил телефон.

Лёг.

Закрыл глаза.

И — уже на грани сна — услышал.

Сквозь дождь. Сквозь шум города. Сквозь тишину комнаты.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Стук.

Ровный. Ритмичный. Неизменный.

Как будто — где-то очень далеко, но и одновременно — очень близко — шёл поезд.

И стучал колёсами по рельсам.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк не стал вставать. Не стал проверять. Не стал включать свет.

Он просто — тихо, почти беззвучно — произнёс в темноту:

— Buenas noches.

Спокойной ночи.

И — впервые за весь день — почувствовал, что кто-то — или что-то — ответил ему.

Не словами.

Не звуком.

А — присутствием.

Тяжёлым. Холодным. Терпеливым.

Как будто — где-то в темноте, за стеной, за окном, за гранью реальности — кто-то ждал.

И — был очень, очень доволен.

ГЛАВА 3. Архитектура дашборда

Воскресенье, 9 ноября 2026 года. 05:42

Марк проснулся до будильника.

Он лежал в темноте, смотрел в потолок и слушал — тишину. Не ту тишину, которая бывает в пустой квартире. А другую — плотную, тяжёлую, почти осязаемую. Как будто воздух в комнате стал гуще. Как будто кто-то — или что-то — стояло у кровати и ждало.

Он моргнул.

Тишина осталась.

Марк сел. Потянулся к тумбочке. Наушники.

Щелчок.

— Buenos días. Hoy vamos a trabajar con tablas dinámicas y macros en Excel.

(Доброе утро. Сегодня мы поработаем со сводными таблицами и макросами в Excel.)

Голос диктора был ровным, спокойным, почти усыпляющим. Марк встал. Пошёл на кухню. Поставил чайник.

Пока вода закипала, он повторял фразы.

— Tabla dinámica. Macro. Condicional formatting.

(Сводная таблица. Макрос. Условное форматирование.)

Язык был шершавым. Но сегодня — особенно. Как будто слова цеплялись за нёбо, за зубы, за язык. Как будто рот был слишком сухим.

Марк налил чай. Сел за стол. Открыл ноутбук.

05:58.

До работы — два часа. Но он не мог ждать.

Данные. Манифесты. Аномалии. Тоннель.

Puerto de las Ánimas.

Он открыл Excel. Создал новый файл. Сохранил: «Integración_Ferrocarriles_Cordillera_v1.xlsx».

И начал.

Первым делом — структура.

Марк создал три листа:

«Raw_Data» — сырые данные из испанских манифестов.

«Processing» — промежуточные вычисления, формулы, сводные таблицы.

«Dashboard» — финальный дашборд для руководства.

Он начал с первого листа. Скопировал все данные из испанских файлов. Пятьдесят семь манифестов за последний месяц. Пятьдесят семь строк. Пятьдесят семь историй.

Каждая строка — поезд.

Каждый поезд — маршрут.

Каждый маршрут — время.

Марк выровнял колонки. Установил шрифт — Calibri, 11. Заголовки — жирным. Границы — тонкие, серые.

Всё должно было быть идеально.

Он проверил формат ячеек. Даты — «ДД.ММ.ГГГГ». Время — «ЧЧ:ММ». Числа — с двумя знаками после запятой. Текст — по левому краю. Числа — по правому.

Всё сходилось.

Марк перешёл ко второму листу.

Здесь начиналась магия.

Он создал сводную таблицу. Перетащил поля:

Строки: «Станция отправления», «Станция прибытия».

Столбцы: «Дата».

Значения: «Время в пути», «Вес груза», «Статус».

Excel мигнул. Пересчитал. Показал результат.

Марк посмотрел.

Всё было… нормально. Среднее время в пути — 4 часа 23 минуты. Средняя потеря веса — 2,8 кг. Статус — «Своевременно» в 94% случаев.

Он нахмурился.

Это было слишком… гладко. Слишком идеально. Как будто данные были не реальными, а — подогнанными.

Марк открыл фильтры. Выбрал одну станцию — Puerto de las Ánimas.

Таблица пересчиталась.

И — Марк замер.

Среднее время в пути через эту станцию — 4 минуты ровно.

Не 4 минуты 12 секунд. Не 3 минуты 58 секунд.

4 минуты.

Для всех пятидесяти семи составов.

Марк посмотрел на сырые данные. Проверил каждую строку вручную.

Состав 402: 4 минуты.

Состав 403: 4 минуты.

Состав 404: 4 минуты.

Состав 405: 4 минуты.

Состав 406: 4 минуты.

Все.

Без исключений.

Марк откинулся на спинку кресла.

Это было невозможно. Физически невозможно. Поезд не мог проходить трёхкилометровый тоннель за ровно четыре минуты каждый раз. Даже если бы машинисты были роботами. Даже если бы рельсы были идеально ровными. Даже если бы погода была одинаковой.

Всегда были отклонения. Всегда.

Но здесь — ноль.

Марк посмотрел на экран.

Цифры смотрели в ответ.

4:00. 4:00. 4:00. 4:00.

Как будто кто-то — или что-то — стирало все отклонения. Как будто кто-то подгонял реальность под идеальную формулу.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холод.

Он закрыл глаза.

Усталость. Просто усталость. Просто — данные странные. Просто — испанцы плохо ведут учёт.

Он открыл глаза.

Продолжил работу.

Третий лист. Дашборд.

Это была его любимая часть.

Марк создал структуру:

Слева: сводная таблица с общим статусом перевозок.

Справа: диаграмма Ганта — движение составов в реальном времени.

Внизу: тепловая карта своевременности — зелёные, жёлтые, красные ячейки.

В центре: большая цифра — KPI.

Он начал с условного форматирования.

Формула была простой:

=ЕСЛИ (Время_факт <= Время_план; «Своевременно»; ЕСЛИ(Время_факт <= Время_план + 15; «Задержка до 15 мин»; «Критическая задержка»))

Марк настроил цвета:

Зелёный — «Своевременно».

Жёлтый — «Задержка до 15 минут».

Красный — «Критическая задержка».

Он применил форматирование ко всем ячейкам.

Дашборд ожил.

Зелёные ячейки. Жёлтые. Красные.

Марк посмотрел на общую картину.

KPI своевременности — 94,6%.

Он усмехнулся.

Почти идеально. Почти — потому что до ста процентов не хватало каких-то 5,4%. Но это было нормально. Это было реалистично. Это было — человечно.

Марк добавил диаграмму Ганта.

Каждый состав — полоска. Ось X — время. Ось Y — маршрут.

Он настроил цвета:

Зелёный — поезд в пути.

Серый — поезд на станции.

Красный — задержка.

Диаграмма ожила.

Полоски двигались. Составы шли по маршрутам. Станции сменяли друг друга.

Марк смотрел.

И — впервые за утро — почувствовал то самое.

Удовлетворение.

Как когда собираешь пазл. Как когда решаешь сложное уравнение. Как когда видишь, как хаос превращается в порядок.

Он был богом этого дашборда. Он создал его из ничего. Из сырых данных. Из хаоса. Из беспорядка.

И теперь — всё было под контролем.

Всё было на своих местах.

Всё сходилось.

Марк работал без перерыва.

Он не заметил, как прошло два часа. Три. Четыре.

Чай остыл. Завтрак так и не был съеден.

Он писал макросы на VBA. Автоматизировал всё, что можно было автоматизировать.

Макрос 1: автоматическое обновление данных из испанских файлов.
Макрос 2: автоматический пересчёт KPI.
Макрос 3: автоматическая отправка отчёта руководству.
Код был красивым. Чистым. Логичным.
Марк читал его — как поэзию.
vba
Sub ActualizarDashboard()
Dim ws As Worksheet
Set ws = ThisWorkbook.Sheets(«Dashboard»)

ws.Range(«KPI»).Value = CalcularKPI()
ws.Range(«Fecha»).Value = Now()

MsgBox «Dashboard actualizado correctamente», vbInformation
End Sub
«Панель обновлена корректно».
Марк усмехнулся.
Корректно.
Какое красивое слово.
Он запустил макрос.
Экран мигнул. Данные обновились. KPI пересчитался.
94,6%.
Всё верно.
Марк сохранил файл. Закрыл Excel. Встал. Потянулся.
Спина хрустнула. Шея затекла. Глаза слипались.
Он посмотрел на часы.
11:23.
Он работал почти шесть часов. Без перерыва. Без еды. Без воды.
Марк моргнул.
Странно.
Он никогда так не работал. Он всегда делал перерывы. Всегда ел. Всегда пил.
Но сегодня — не мог остановиться.
Как будто что-то — внутри него — толкало его. Гнало. Заставляло работать.
Марк подошёл к кухне. Налил воды. Выпил залпом.
Посмотрел в окно.
Дождь. Серость. Ноябрь.
Он вернулся к ноутбуку.
Открыл Excel.
Посмотрел на дашборд.
Всё было идеально.
Всё было под контролем.
Всё сходилось.
И — именно это его и насторожило.
Марк решил проверить макросы.
Он открыл редактор VBA. Пролистал код. Проверил каждую строку.
Всё было правильно.
Но — на последней строке макроса 3 — он заметил кое-что.
Комментарий.
vba

' No detener el tren en la oscuridad

Марк замер.

«Не останавливать поезд в темноте».

Он посмотрел на код.

Комментарий был написан не им.

Он не писал этого.

Марк проверил историю изменений файла.

Последнее изменение — вчера, в 23:47.

Но вчера он не работал. Вчера он был дома. Вчера он спал.

Марк посмотрел на комментарий ещё раз.

«No detener el tren en la oscuridad».

Он выделил строку. Нажал Delete.

Комментарий исчез.

Марк сохранил файл. Закрыл редактор.

Посмотрел на дашборд.

Всё было идеально.

Всё было под контролем.

Всё сходилось.

Но — где-то в глубине сознания — что-то шевелилось. Что-то — холодное, липкое, неприятное.

Как будто — он что-то упустил.

Как будто — что-то было не так.

Марк закрыл ноутбук.

Встал.

Подошёл к окну.

Посмотрел на улицу.

Дождь. Серость. Ноябрь.

И — на мгновение, на долю секунды — ему показалось, что в одном из окон соседнего дома он увидел силуэт.

Высокий. Худой. В шляпе.

Марк моргнул.

Окно было тёмным. Пустым.

Никого.

Марк выдохнул.

Усталость. Просто усталость. Просто — слишком много работы. Просто — слишком много данных. Просто — слишком много всего.

Он отвернулся от окна.

Вернулся к ноутбуку.

Открыл Excel.

Посмотрел на дашборд.

KPI — 94,6%.

Всё сходилось.

Всё было идеально.

Марк сел. Начал писать отчёт для руководства.

«Интеграция данных завершена. Дашборд готов. KPI своевременности — 94,6%. Рекомендую утвердить единую форму отчётности.»

Он сохранил файл. Отправил письмо.

Закрыл почту.

Посмотрел на часы.

12:47.

До конца рабочего дня — ещё пять часов.

Но Марк уже чувствовал — он закончил.

Не работу.

А — что-то другое.

Что-то — большее.

Он посмотрел на дашборд.

Зелёные ячейки. Жёлтые. Красные.

Полоски диаграммы Ганта.

Цифры. Формулы. Макросы.

Всё было под контролем.

Всё было на своих местах.

Всё сходилось.

Марк медленно, очень медленно, выдохнул.

И — впервые за весь день — позволил себе улыбнуться.

Не широко. Не радостно.

А — тихо. Едва заметно. Уголками губ.

Как будто — он что-то понял.

Что-то — важное.

Что-то — что изменит всё.

В 13:00 ему пришло письмо.

От Сергея Викторовича.

«Марк, отличная работа. Дашборд выглядит впечатляюще. Руководство довольно. Готовь презентацию на среду. И — начинай работу над следующей фазой. Нужно подключить реальные данные. Чтобы дашборд обновлялся в реальном времени.»

Марк прочитал письмо.

Прочитал ещё раз.

Реальные данные. В реальном времени.

Он посмотрел на дашборд.

На зелёные ячейки. На красные. На KPI.

И — почувствовал.

Не страх.

Не тревогу.

А — предвкушение.

Как будто — он стоял на краю чего-то.

Как будто — он сделал первый шаг.

И — теперь — пути назад не было.

Марк открыл новый файл.

Начал писать макрос для подключения реальных данных.

Код был сложным. Запутанным. Требовал множества проверок.

Но Марк не останавливался.

Он писал.

Строка за строкой.

Функция за функцией.

И — где-то в глубине кода, между скобками и запятыми, между If и Then — он почувствовал.

Что-то.

Как будто — код был не просто кодом.

Как будто — он писал не просто макрос.

А — что-то другое.
Что-то — большее.
Что-то — что не должно было быть написано.
Марк остановился.
Посмотрел на экран.
Код смотрел в ответ.
Чистый. Логичный. Правильный.
Но — в самой последней строке, которую он только что написал — был комментарий.
vba
' El túnel espera
«Тоннель ждёт».
Марк посмотрел на комментарий.
Он не писал этого.
Он — знал, что не писал этого.
Марк выделил строку. Нажал Delete.
Комментарий исчез.
Марк сохранил файл.
Закрыл ноутбук.
Встал.
Подошёл к окну.
Посмотрел на улицу.
Дождь. Серость. Ноябрь.
И — на мгновение, на долю секунды — ему показалось, что он услышал.
Сквозь шум дождя. Сквозь гул города. Сквозь тишину комнаты.
Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.
Стук.
Ровный. Ритмичный. Неизменный.
Марк закрыл глаза.
Открыл.
Тишина.
Только дождь. Только гул. Только тишина.
Марк выдохнул.
Повернулся от окна.
Посмотрел на ноутбук.
Закрытый. Тёмный. Спокойный.
Но — где-то внутри, за экраном, за кодом, за формулами — что-то было.
Что-то — что ждало.
Что-то — что знало.
Что-то — что понимало.
Марк медленно, очень медленно, произнёс в пустоту:
— ¿Qué eres?
Что ты?
Тишина.
Никто не ответил.
Но — Марк был почти уверен — что-то услышало.

ГЛАВА 4. Сдвиг по фазе

Понедельник, 10 ноября 2026 года. 09:17

Марк пришёл на работу раньше всех.

Как и в субботу. Как и в воскресенье — он заходил в офис удалённо, через VPN, с домашнего ноутбука. Но сегодня — сегодня он хотел быть здесь. Физически. На своём месте. За своим столом.

Он хотел видеть, как дашборд оживает.

В 08:43 он уже сидел перед монитором. Кофе — чёрный, без сахара. Наушники — на шее. Аудиокурс — выключен. Впервые за три месяца.

Он не хотел слышать испанский.

Не сегодня.

Марк открыл файл «Integración_Ferrocarriles_Cordillera_v2.xlsx». Вчерашняя версия. С макросами. С комментариями, которые он стёр. С KPI — 94,6%.

Он проверил код.

Комментариев не было.

«No detener el tren en la oscuridad» — исчез.

«El túnel espera» — исчез.

Марк выдохнул.

Хорошо.

Он открыл настройки подключения. Вбил адрес сервера испанского филиала. Логин. Пароль. Протокол передачи данных.

Щелчок.

Enter.

Связь установлена.

Дашборд мигнул. Обновился.

И — Марк замер.

Цифры изменились.

Не сильно. Не радикально. Но — изменились.

KPI своевременности — 97,2%.

Марк нахмурился.

Вчера было 94,6%. За ночь — плюс 2,6 процента. Это много. Это очень много. За ночь не могло произойти ничего, что улучшило бы показатели настолько. Поезда не начинают ходить вовремя просто так.

Он открыл сводную таблицу.

Посмотрел.

За ночь через систему прошло двенадцать составов. Все — вовремя. Все — без задержек. Все — с идеальным временем прохождения Puerto de las Ánimas.

4:00. 4:00. 4:00. 4:00.

Двенадцать раз.

Без исключений.

Марк почувствовал, как что-то холодное поднимается у него в груди.

Это было невозможно.

Двенадцать поездов. Двенадцать разных машинистов. Двенадцать разных составов. Разное время суток. Разная погода. Разная загрузка.

И — одинаковое время прохождения тоннеля.

До секунды.

Марк открыл детали. Посмотрел на каждый состав.

Состав 412. Машинист — Хуан Морено. Время в тоннеле — 4:00.

Состав 413. Машинист — Педро Гомес. Время в тоннеле — 4:00.

Состав 414. Машинист — Антонио Руис. Время в тоннеле — 4:00.

И так — далее.

Все. Без исключений.

Марк закрыл глаза.

Это ошибка. Это сбой. Это баг в формуле.

Он открыл редактор VBA. Проверил макрос пересчёта времени.

Всё было правильно.

Формула была простой:

=Время_прибытия — Время_отправления

Никаких подвохов. Никаких скрытых вычислений. Никаких округлений.

Марк проверил сырые данные.

Время отправления — 08:15.

Время прибытия — 08:19.

Разница — 4 минуты.

Всё верно.

Но —

Марк посмотрел на время отправления ещё раз.

08:15.

Он посмотрел на время прибытия.

08:19.

Четыре минуты.

Он посмотрел на длину тоннеля.

3,2 км.

Он посчитал в уме.

Средняя скорость — 48 км/ч.

Это — нормально. Это — возможно. Это — реалистично.

Но — для всех двенадцати составов?

С разной загрузкой? С разным весом? С разным состоянием рельсов? С разной погодой?

Марк покачал головой.

Нет.

Это — невозможно.

Это — подделка.

Кто-то — на той стороне — подделывал данные. Кто-то — вручную — вбивал одинаковое время для всех составов. Чтобы KPI был идеальным. Чтобы отчёт был красивым. Чтобы — всё сходилось.

Марк усмехнулся.

Ну конечно.

Конечно.

Это же Испания. Это же горы. Это же — старая узкоколейка. Там, наверное, диспетчер сидит в будке, пьёт вино и вбивает в таблицу одинаковые цифры, чтобы не напрягаться.

Марк почувствовал, как напряжение отпускает.

Конечно.

Это же — человеческий фактор.

Не мистика. Не горные законы. Не шёпоты в аудио.

Просто — ленивый диспетчер.

Марк открыл почту. Начал писать письмо Вальдесу.

«Estimado señor Valdés, he notado algunas irregularidades en los datos de los trenes que pasan por Puerto de las Ánimas. Todos los trenes muestran exactamente 4 minutos de tiempo en el túnel. Esto es estadísticamente imposible. ¿Podría verificar la situación con su equipo?»

(Уважаемый сеньор Вальдес, я заметил некоторые несоответствия в данных поездов, проходящих через Puerto de las Ánimas. Все поезда показывают ровно 4 минуты времени в тоннеле. Это статистически невозможно. Не могли бы вы проверить ситуацию с вашей командой?)

Марк нажал Отправить.

Письмо ушло.

Он откинулся на спинку кресла.

Выдохнул.

Всё нормально.

Всё под контролем.

Всё — объяснимо.

Ответ пришёл через сорок семь минут.

Марк открыл письмо.

«Estimado señor Reyes, los datos son correctos. No hay error. El túnel es… eficiente.»

(Уважаемый сеньор Рейес, данные верны. Ошибки нет. Тоннель… эффективен.)

Марк прочитал письмо.

Прочитал ещё раз.

«El túnel es… eficiente.»

Тоннель эффективен.

Он посмотрел на экран.

Это была не отговорка. Это был не ответ ленивого диспетчера. Это был — ответ человека, который верит в то, что говорит.

Марк нахмурился.

Он открыл новый лист в Excel. Начал строить график.

Ось X — дата. Ось Y — время в тоннеле.

Пятьдесят семь точек.

Все — на одной высоте.

4:00.

Марк посмотрел на график.

Прямая линия.

Идеальная.

Математически безупречная.

И — невозможная.

Марк закрыл глаза.

Это не может быть правдой.

Он открыл глаза.

Посмотрел на дашборд.

KPI — 97,2%.

Зелёные ячейки. Зелёные полоски. Зелёные цифры.

Всё — своевременно.

Всё — идеально.

Всё — сходится.

И — именно это его и пугало.

В 10:30 в офис пришла Лена.

Она подошла к его столу. С стаканчиком кофе. С вечно недовольным видом.

— Марк, ты тут? — она посмотрела на него. — Ты чего такой бледный? Не спал?

Марк моргнул.

— Привет, Лена. Нет, всё нормально. Просто — много работы.

— Вижу. — она кивнула на его монитор. — Что это у тебя? Испанские поезда?

— Да. Новый актив. Интегрирую.

— Ага. — она сделала глоток кофе. — Слушай, а ты не знаешь, почему у меня в отчёте цифры пляшут?

Марк нахмурился.

— Что значит — пляшут?

— Ну, я вчера свела баланс — всё было нормально. А сегодня утром открываю — цифры другие. На копейки, но — другие. Я думала, что сошла с ума.

Марк посмотрел на неё.

— Какие цифры?

— Да ерунда. Вес груза на входе и на выходе. Разница в два-три килограмма. Я думала, что это погрешность весов. Но — странно.

Марк почувствовал, как что-то холодное опустилось ему на плечи.

— Лена, — он старался говорить ровно. — а ты не могла бы прислать мне эти данные?

— Да без проблем. — она пожала плечами. — Сейчас скину.

Она ушла к себе.

Марк посмотрел на экран.

Вес груза. Разница в два-три килограмма.

Он открыл сводную таблицу.

Посмотрел на колонку «Разница в весе».

Среднее — 2,8 кг.

Марк закрыл глаза.

Совпадение.

Это — совпадение.

Лена работает с другими данными. С другими маршрутами. С другими поездами.

Это — не может быть связано.

Марк открыл глаза.

На экране мигнуло уведомление.

Письмо от Лены.

Он открыл.

Прикреплённый файл. Excel.

Марк скачал. Открыл.

Посмотрел.

И — замер.

Данные Лены.

Другой филиал. Другой маршрут. Другие поезда.

Но — та же самая аномалия.

Вес груза на выходе — всегда меньше.

На два-три-пять килограммов.

Марк открыл свой файл. Посмотрел на свои данные.

То же самое.

Он открыл третий файл — из архива. Данные за прошлый год.

То же самое.

Марк почувствовал, как у него начинает кружиться голова.

Он построил график.

Ось X — дата. Ось Y — разница в весе.

Точки разлетелись по графику.

Но — не случайно.

Они — выстраивались.

В линию.

В — прямую линию.

Марк посмотрел на наклон линии.

Он был — постоянным.

Каждый день — потеря веса увеличивалась на одну и ту же величину.

На 0,03 килограмма.

Марк посчитал.

Если экстраполировать — то через три года потеря веса составит около 33 килограммов.

Через десять лет — около 110 килограммов.

Это — вес человека.

Марк откинулся на спинку кресла.

Совпадение.

Это — совпадение.

Это — не может быть связано.

Это — просто математика. Просто статистика. Просто — случайность.

Марк закрыл глаза.

В темноте за веками он увидел тоннель.

Длинный. Чёрный. Уходящий в бесконечность.

И — где-то в его глубине — что-то дышало.

Медленно.

Ритмично.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Марк открыл глаза.

Посмотрел на дашборд.

KPI — 97,2%.

Зелёные ячейки.

Зелёные полоски.

Зелёные цифры.

Всё — своевременно.

Всё — идеально.

Всё — сходится.

В 11:45 ему пришло письмо.

От Вальдеса.

Марк открыл.

«Estimado señor Reyes, he recibido su informe. Los datos son correctos. No hay error. El túnel es eficiente. Le sugiero que no se preocupe por las discrepancias. Todo está en orden.»

(Уважаемый сеньор Рейес, я получил ваш отчёт. Данные верны. Ошибки нет. Тоннель эффективен. Предлагаю вам не беспокоиться о расхождениях. Всё в порядке.)

Марк прочитал письмо.

Прочитал ещё раз.

«Todo está en orden.»

Всё в порядке.

Он посмотрел на экран.

И — впервые за весь день — почувствовал, как что-то — крошечное, невидимое, почти неуловимое — начало меняться.

Не в данных.

Не в цифрах.

А — в нём самом.

Марк медленно, очень медленно, выдохнул.

Он посмотрел на дашборд.

На зелёные ячейки.

На красные.
На KPI.
И — почувствовал.
Не страх.
Не тревогу.
А — понимание.
Что-то — очень не так.
Что-то — очень плохо.
Что-то — очень страшно.
Марк открыл новый лист в Excel.
Начал писать.
Не формулы.
Не макросы.
А — список.
1. Аномалия со временем (прибытие раньше отправления).
2. Аномалия с весом (потеря 2,8 кг в среднем).
3. Аномалия с тоннелем (ровно 4 минуты для всех составов).
4. Странные комментарии в коде VBA.
5. Странные звуки в аудио-записях.
6. Странные слова Вальдеса («У гор свои законы»).
7. Странные галлюцинации (силуэт в шляпе).
8. Странные совпадения (данные Лены).
Марк посмотрел на список.
Восемь пунктов.
Восемь аномалий.
Восемь — необъяснимых вещей.
Марк добавил девятый пункт.
9. Ощущение, что за мной наблюдают.
Он посмотрел на список.
Девять пунктов.
Девять — необъяснимых вещей.
Марк закрыл глаза.
Это не может быть правдой.
Это — не может быть связано.
Это — просто совпадения. Просто усталость. Просто — стресс.
Марк открыл глаза.
Посмотрел на список.
И — тихо, почти шёпотом — произнёс:
— Incidencia.
Инцидент.
За окном, сквозь шум дождя и гул офиса, ему показалось — или это было на самом деле? — что он услышал другой звук.
Низкий. Утробный. Ритмичный.
Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.
Звук колёс по рельсам.
Но рельсов здесь не было.
Марк снял наушники.
Тишина.
Только дождь. Только гул кондиционера. Только стук клавиатур.

Он пожал плечами.

Усталость. Просто усталость. Просто — слишком много данных за один день. Просто — слишком много испанского. Просто — слишком много всего.

Он снова надел наушники. Вернулся к файлам. Начал писать второй запрос испанским диспетчерам — более настойчивый, более формальный, на идеальном деловом испанском.

Estimados colegas,

He recibido su respuesta, pero las discrepancias persisten. Necesito una verificación más detallada de los datos. ¿Podrían enviar los registros originales de los sensores?

(Уважаемые коллеги, я получил ваш ответ, но расхождения сохраняются. Мне нужна более детальная проверка данных. Не могли бы вы прислать оригинальные записи с датчиков?)

Он нажал Отправить.

Письмо ушло.

Марк посмотрел на часы. 12:23. До обеда — ещё тридцать семь минут.

Всё шло по плану.

Всё было под контролем.

Всё сходилось.

В 14:02 ему пришёл ответ.

Короткий. В три строки. Без подписи.

«Registros originales no disponibles. Los datos son correctos. No hay error. El tren llega a tiempo.»

(Оригинальные записи недоступны. Данные верны. Ошибки нет. Поезд прибывает вовремя.)

Марк прочитал письмо. Прочитал ещё раз.

«Registros originales no disponibles.»

Оригинальные записи недоступны.

Он посмотрел на экран.

Это была не отговорка. Это был не отказ. Это был — ответ человека, который боится.

Марк нахмурился.

Он открыл дашборд.

Посмотрел на ячейку с составом 412.

Ячейка была зелёной.

Своевременно.

Он посмотрел на состав 413.

Тоже зелёная.

Своевременно.

Марк медленно, очень медленно, выдохнул.

За окном дождь усилился. В наушниках, которые он забыл выключить, диктор произносил новую фразу.

— La puntualidad es clave. La puntualidad es clave. La puntualidad es clave.

(Своевременность — это ключ. Своевременность — это ключ. Своевременность — это ключ.)

Марк снял наушники.

Положил их на стол.

Посмотрел на экран.

И — впервые за весь день — почувствовал, что что-то — крошечное, невидимое, почти неуловимое — начало меняться.

Не в данных.

Не в цифрах.

А — в реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.